

ЕЛЕНА ЛИКИНА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ НОЧНИЦЫ

Елена Ликина

Колыбельная для ночницы

«Автор»
2026

Ликина Е.

Колыбельная для ночницы / Е. Ликина — «Автор», 2026

Зося, побывавшая в студенчестве на фольклорной практике в деревне с забавным названием Патрикевичи, не могла и предположить, чем в будущем обернется для нее эта поездка. По просьбе своего бывшего одногруппника Петьки она вынуждена вернуться в деревню, чтобы остановить зло. Усыпить его старинной колыбельной, которую может придумать лишь она. Кажется, что всё достаточно просто. Вот только Зося никогда раньше не придумывала песен и не представляет, какими должны быть слова у той особенной колыбельной...В книге читателя ждет встреча с существами белорусской демонологии.

© Ликина Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Ликина
Колыбельная для ночницы

Часть 1 Колыбельная для ночницы

Глава 1

Деревенька называлась смешно – Патрикевичи.

А выглядела уютной и симпатичной как с картинки.

Корней Захарович высадил ребят у околицы и показал на первый из домиков, едва просматривающийся за буйно разросшимися деревьями сада.

- Хозяйку зовут Филонида Паисьевна. Не перепутайте! Она очень ревностно относится к своему имени-отчеству.

- Филонида Паисьевна. – благоговейно повторил Петька. – Бывают же имена!

- Сейчас подобные довольно редко встречаются. Не то, что раньше. Вы записывайте, фиксируйте для истории. Тоже ведь наше прошлое. - Корней Захарович подмигнул выбравшимся из салона ребятам. – Обратно – как договаривались, сами доберётесь. Только в лес не сворачивайте, держитесь дороги. Она одна, не перепутаете. Прямо да прямо, а после под горку... В столовую к Любаше зайдёте, она вам перекус сообразит. А вечером махнём на рыбалку.

- Спасибо, - поблагодарил его за всех Петька и, помахав вслед отъезжающей машине, улыбнулся девчонкам. – Ну что, исследователи, готовы внимать бабкиным байкам?

- Готовы, - вздохнула Зося и первой побрела в сторону домов.

На самом деле сюда можно было не приезжать. У группы и без того уже собрался внушительный багаж материала. Местные восприняли приезд практикантов-филологов с радостью, зазывали к себе в гости, вспоминали рассказы родичей про старину, пели песни, частушки, пересказывали байки. В поселке где директорствовал Корней Захарович бережно относились к корням и почитали народное творчество. При клубе состояло несколько кружков – там занимались хоровым пением, танцами и собирался литературный кружок.

- Сюда стоило приехать хотя бы из-за всего вот этого!.. – Петька будто прочитал Зосины мысли и упоённо взмахнул руками. – Вкусный воздух! Красивые цветы! И лес, лес настоящий! Где еще увидишь такое?!

- В интернете... – пробормотала Зося не оглядываясь. Восторги Петьки она не разделяла, в деревнях раньше никогда не бывала и к природе относилась спокойно. Можно сказать – даже безразлично.

- Вечно ты ноешь! – немедленно прилетело в спину то ли от Полины, то ли от Владиславы. – Всё тебе не так, привереда!

- Ничего я не ною... – шепнула Зося чуть слышно.

Пререкаться с девчонками было бесполезно. Приехали и приехали. Чего уж теперь.

С сестрами у нее сразу не сложились ни дружба, ни взаимопонимание. Оказавшись вместе в одном универе, на одном факультете и в одной группе, они вынуждены были друг друга терпеть. Зося всеми силами старалась держать нейтралитет, а близнецы открыто выражали неприязнь. Может, ревновали к Петьке?

Хотя какая может быть ревность, если ради них Петька готов был на всё – как увидел на первом курсе, так и пропал. И многолетняя дружба с Зосей с того момента дала широкую трещину.

Зося не понимала – чем его привлекли две тощие длинные абсолютно одинаковые девицы с противным характером. Сходство между сестрами было поразительным, они походили на отражения друг друга! Обе густо подводили глаза чёрным, выбеливали лица, гладко зачёсывали густые тёмные волосы. Отличие состояло лишь в одежде – Полина носила черные платья в пол и изумительной красоты сотуар из чёрного жемчуга. Винтажный, по её словам. Бабушкин

подарок. Владислава предпочитала брюки и блузки такого же цвета. И серебряные браслеты на запястьях.

Растрёпанный добродушный увалень Петька таскался за сестрами как хвост. Полина в глаза назвала его пажом, а Владислава - рабом. Зосю это бесило, а Петька не возражал, смотрел на близнецов с одинаковым обожанием.

По иронии судьбы все четверо оказались вместе и на первой полевой практике. Корней Захарович – давний друг их декана, охотно принял ребят у себя в поселке, поселил при школе и всячески опекал. Посетить расположенные за лесом Патрикевичи посоветовал тоже он – обещал незабываемые впечатления от знакомства с известной собирательницей быличек и травницей бабкой Филонидой.

- Нет, ну правда, девчонки, какая же здесь благодать! – настроение у Петьки было отличное. Подскочив к обочине, он сорвал парочку ромашек и с поклоном вручил близняшкам по цветку. – Не хотите погадать? Любит-не любит...

- Мы и так знаем, что любит... – Полина рассеянно отбросила цветок. – Как думаете - почему Корнеич нас не проводил к бабке? Не представил, как поселковым? Не познакомил лично?

- Может они не ладят? – предположил Петька.

- Может и так. Но это странно...

- Более чем... – согласилась Владислава. – Эта Филонида вполне может нас турнуть.

- Не турнёт, - успокоил Петька. – Я её уболтаю. Меня бабульки любят. Правда, Зось?

Зося промолчала. Слова Полины немного насторожили её. Быстрый отъезд Корнея Захаровича и впрямь выглядел непонятно. Директор очень любил поговорить, сам водил ребят по домам, охотно знакомил их с местными. А тут – подвез и ретировался. Права Полина, это более чем странно.

- Так бабка ведьма! Ууу!.. – Петька состроил зверскую гримасу. - Вот Корнеич и дал заднюю! Испугался её котла и метлы.

-Ведьмарка, - машинально поправила его Зося. - Местные называют ведьм ведьмарками.

- Ага. - согласился с ней петька. - А еще каудухами. Забавно.

- Ничего забавного! – оборвала его Полина и приложила палец к губам. – Тише... вы слышите?

Со стороны леса донёсся странный звук – будто оборвалась натянутая струна. И почти сразу над головами с шумом пронеслась какая-то птица. Зося едва успела заметить серо-чёрное оперение и... оранжевый смахивающий на лисий хвост!

Глаза немедленно заслезились от слепящего солнца, и девушка решила, что ей просто почудилось.

- Сорока к плохому! – охнула Владислава и быстро сплюнула через плечо.

- Сороку увидеть к плохим вестям! – поддержала сестру Полина.

- Да бросьте вы, девчонки. – засмеялся Петька. - Сорока к перемене погоды летает. Сколько раз проверено. Правда, Зось?

Обсуждать причины появления сороки Зося не собиралась, да и торчать возле дома бабки-сказительницы – тоже. Поправив рюкзачок, она решительно вошла в калитку и двинулась по тропинке к крыльцу.

Из-под ног бросились куры, возмущённо прокукарекал петух, с заднего двора откликнулись еще какие-то птицы. На шум выглянула хозяйка – румяная бодрая старушка в белом платке и цветастом платье.

- Это кто же ко мне пожаловал? – добродушно поинтересовалась она. – Что за гостиньки на пороженьке?

- Здравствуйте! – расплылся Петька в улыбке. – Мы из города. На практику приехали. Собираем местный фольклор.

- Фольклор? – протянула бабка, внимательно разглядывая подошедших ребят.

- Ага. Сказки. Былички, песни.

- Ну, если былички – проходите. – пригласила бабка. - У меня не заперто.

- Здравствуйте, Филанида Паисьевна! - снова поприветствовал Петька хозяйку, и девчонки нестройно повторили. – Здравствуйте. Добрый день.

- Откуда имя моё прознали? – нахмурилась бабка.

- Да нам Корнеич сказал. Корней Захарович то есть.

- Корней значит... – бабка поправила платок и смерила ребят мрачным взглядом. - Что ж сам не зашёл?

- Да мы без понятия. – развел Петька руками. – Торопился, наверное.

Филонида Паисьевна покивала и, повернувшись к печи, принялась перемешивать что-то на широкой сковороде. Вкусно запахло поджаркой, и под аппетитное шкварчание у ребят немедленно подвело живот – так захотелось попробовать бабкиной стряпни.

- Рукомойник в сенях. Полотенце там же. Ополосните руки и за стол. – скомандовала хозяйка. – Разносолов не держу. У меня всё просто, без выкрутасов.

Она разложила по тарелкам щедрые порции картошки, накромсала большими кусками огурцы, налила по полному стакану прозрачного компота из сухофруктов.

- Вот вы говорите - без выкрутасов... - Петька лукаво взглянул на бабку. – А имя-то у вас совсем не простое! Редкое имя! Малоупотребляемое!

- Обычное имя. Как мать с отцом нарекли – так под ним и хожу. Меня – Филонидой, а сестру – Авигеей... – бабка вдруг запнулась и метнула быстрый взгляд за окно. – Похоже, дождь собирается. Не вовремя вы ребятушки по гостям наладились.

Что-то зловещее прозвучало в её интонации, и у Зоси тут же пропал аппетит. Близняшки с Петькой уплетали жарёху, а она, едва попробовав, отодвинула тарелку и, не пригубив компот, выбралась из-за стола.

Бабка была права - мир за окном постепенно терял краски. Серая мгла медленно наползала на деревню со стороны леса, ластиком стирая синеву неба, солнечный свет и белые нежные облака.

- Наверное, нам лучше уйти. Чтобы успеть вернуться до дождя... – начала было Зося и охнула, увидев на заборе уже знакомую птицу. Та сейчас никуда не спешила, сидела нахохлившись, свесив вниз рыжий меховой хвост, косила на дом жёлтым глазом.

- Прочь пойди! – бабка замахала на птицу через стекло. – Кому говорю – брысь, брысь отсюда!

- Кто это? – Зося как заворожённая наблюдала за диковинной птицей.

- Это? Да сорока, - продолжая махать, Филонида Паисьевна как-то странно взглянула на Зосю.

- Но у неё хвост!

- Хвост. Сорок без хвоста не бывает.

- Но...

- Молчи! – бабка сунулась к самому лицу, зашептала чуть задыхаясь. – Выдашь себя – *курнеля* по всему лесу разнесет, что ты её увидела. Тогда вам несдобровать!

Глава 2

- Вы чего? – опешила Зося в ответ на бабкино шипение. – Я всего-то спросить хотела...

- Да об чём спрашивать-то? Об чём спрашивать? Подумаешь диво – сороку увидала.

- Но у неё лисий хвост! – Зося не собиралась сдаваться. – И не сорока это! Вы её иначе назвали... Кажется – *курнеля*?

- Вот прыліплая! (прилипчивая, бел.) – Филонида Паисьевна задёрнула тоненькую занавеску и поманила Зосю от окна. – Поди поешь лучше, вся картоха цела. И компота, компота попей. В нём – польза!

- Что за *курнеля*? – Петька тут же сунулся посмотреть и разочарованно выдохнул. – Там кроме сороки никого нет.

- Ты её хвост видишь?

- Ну, вижу. И что?

- Он рыжий! Лисий!

- Чего? Зоська, хорош прикалываться, ну!

- Ничего я не прикалываюсь! – Зося носом прижалась к стеклу, но двор оказался пустым, странная птица куда-то пропала. – У сороки был лисий хвост! Я видела! Видела его!

- Ага, ага. И заячьи уши. Разыграли нас, да?

- Вас, знатоков, разыграешь. – в голосе бабки Филониды промелькнуло облегчение. – Вы же ученый народ, фольклор собираете, должны всё про всех знать.

- Вот мы и приехали к вам за знаниями! – улыбнулся ей Петька. – Корнеич вас так нахваливал! Так нахваливал!

- Что ж вам рассказать-то? – Филонида Паисьевна прошла к подпирающей стену лавке и, пошарив под ней, извлекла туесок с разноцветными клубками. Рядом с ними помещалось начатое полотно простенького вязания и две деревянные спицы.

- Вы как, записывать станете или просто запоминать?

- Записывать. На диктофон. - Петька кивнул девчонкам и, вытащив сотовый, принялся возиться с настройкой.

Филонида Паисьевна тем временем принялась вывязывать несложный узор и негромко заговорила:

- С нами-то рядом много кто проживает. Чаще – равнодушные, но бывает, что и опасные. Вот, к примеру, теперь у нас июнь. Скоро Троица, за ней – русалии. Самое время для *их* чудачеств и шалостей. Да только *их* веселье – человеку во зло идёт. Потому и стараемся оберечься. А в лес идём – относ несём. Чтобы задобрить неведомых соседей своих. А сработает то или нет – уверенности нету. Это уж как *они* захотят...

- А *курнеля*? – не выдержала, встряла с вопросом Зося. – Она – злая?

- Далась тебе эта *курнеля*! – поцокала языком бабка. – Равнодушная она. Все они равнодушные. Но только до поры.

- А почему у неё лисий хвост?

- Потому как *пярэварацень*. Оборотень то есть. Было время - то сорокой летала, то лисицей бегала. Пока заклятьем не пришибло. С тех пор половинчатой и живёт. Тело птичье, а хвост звериный.

- А кто её так? Ну, пришиб?

- Может *вядзьмак*, может – *вядзьмарка*.

- Ведьма?

- Ведьма. Не поладили меж собой, не поделили что-то, вот и пошла вражда.

- Значит, *курнеля* была человеком? – ахнула Зося, вызывав негромкое хихиканье близняшек.

- Может и была. Могла обращаться. Пока под руку врагине не попалась...

- Крутота!.. – присвистнул Петька. – Такой инфы у нас еще не было. Я прям проникся. Чуть не поверил. Честно-честно.

- От твоей веры ничего не изменится. Разве что сам чуток поумнеешь. А *те* как были, так и дальше останутся. Былички не на пустом месте слагали...

- Если они рядом, то почему не показываются? Почему не выходят на контакт?

- А зачем? Мы для них вроде муравьёв или мух. Пустое место. Если только сами позовём – словом или действием, тогда откликнутся. И то не всегда. Чего вы всё хихикаете? – бабка неодобрительно посмотрела на развеселившихся сестёр.

- Потому что смешно, - близняшки переглянулись и снова фыркнули. – *Они* вроде есть, только не показываются. И потому *их* никто не видел. Доказательств – ноль.

- Я видела! Только что! *Курнелю*! – Зося раскраснелась, увлеченная бабкиным рассказом. Она ни на минуту не усомнилась в словах Филониды Паисьевны. Поверила, что неведомый и необыкновенно заманчивый мир находится совсем рядом! И вознамерилась добыть хоть какие-нибудь доказательства его существования.

- *Курнеля*! Сорока с лисьим хвостом! – последовал новый взрыв смеха. – Хоть бы пострашнее что-то придумали.

Филонида Паисьевна нахмурилась, а снаружи грохнуло так, что на миг заложило уши, и стекло откликнулось жалобным дребезжанием.

- Что это? Гром? – у девчонок разом пропало веселье.

- Гром. Похоже, сейчас ливанёт. В июне грозы сильные.

Снова бахнуло где-то над головой, с потолка посыпалась сухая труха, и первые капли дождя застучали в окно.

Мигнула и погасла лампочка под потолком, потемнело как ночью, и лишь короткие всполохи молний освещали комнату.

- Электричество отключили. В грозу всегда так. Сейчас свечку достану.

Бабка прошаркала куда-то от лавки, заскрипел рассохшейся крышкой сундук, послышалось недовольное сопение.

- Как же я так сплоховала-то? Свечи все вышли, а я и не туда! Только обрядовые и остались...

- Поджигайте обрядовые! - разрешил Петька. – Так даже интересней!

- Нельзя обрядовые. Не для того сделаны! У вас вон, фонарики в телефонах. Как-нибудь перекантуетесь.

- Зарядки мало осталось.

- И ничего. Спать ляжете – никакая зарядка не понадобится.

- Спа-ать? – протянули девчонки. – С чего нам здесь спать? Нам в поселке комнату выделили!

- С того, что до утра теперь дождь зарядил. Грязи наделает, тропочки размоет. Вон как молнии шарашат! В такую-то непогоду вас не отпущу. Кровать у меня одна. Так что на полу постелю. Косточки у вас молодые. Болеть не будут.

- А давайте вообще не спать! – просиял Петька. – Вы нам еще страшилок подкинете! Или лучше погадаете! Призовёте невидимых соседей!

- Молчи! А то ведь и правда придут. Как бы после не пришлось пожалеть.

- Филонида Паисьевна...

- Молчи, сказала! На полу вам постелю... сейчас...

Прекрасно ориентируясь в темноте, бабка прошла в соседнюю комнатушку, брякнула чем-то, что-то задвигала.

- А по приколу здесь заночевать, - Петька словно не замечал недовольства девчонок. – Проникнемся деревенской экзотикой по полной! Будет о чём потрепаться на потоке.

Ответом ему было выразительно молчание, лишь за окнами продолжала бушевать стихия: завывал ветер, шумел дождь, золотыми стрелами мелькали дальние молнии. Зося даже боялась представить – что бы они делали, окажись в это время в лесу! Просто удача, что непогода застала их у бабки.

- Готово всё. Проходите, - позвала Филонида Паисьевна из комнатки.

- Нам нужно выйти... в туалет... – попросились Полина с Владиславой.

- На улицу даже не суйтесь. Ведро в сенях. Найдёте сами или проводить?

- Справимся, - подсвечивая темноту сотовым, девчонки вышли за дверь, и вскорости оттуда донёсся пронзительный визг. Чертыхнувшись, Петька бросился на голоса, и что-то покатилось с грохотом, девчонки заорали громче.

- Ведро перевернул, недарэка! (недотёпа, бел.) – сплюнула бабка досадливо. – А что орут – так то сыча увидали, у меня на чердаке сычи живут.

- Сычи? – удивилась Зося. – Совы, да? Они ручные?

- Какие-там ручные. Живут и живут. Я лаз наверх не прикрываю. У меня к нему лесенка приставлена. Да ты ж видала небось. А сычи любят на перекладину садиться. Сами м*а*хоньки, в темноте не различить. Только глаза золотым горят. Вот блізьняты и спужались.

– Может, посмотрите – как там ребята? – несмело предложила Зося.

Крики уже смолкли, но возвращаться никто не торопился. До них с бабкой доносились негромкие восклицания и будто бы сюсюканье.

- Да с чего мне смотреть? Наглядятся на диковины и сами придут. Они уж поняли, что нестрашно. Ты лучше послушай, что скажу. Как спать ляжете – возле каждой куколку пристрою. Пускай себе рядышком будут. Вы их не трогайте. Не обращайте внимания. Это вроде защиты.

- Защиты? От кого?

- Да так... От дурных снов. На новом то месте часто кошмары снятся. А куколки их до вас не допустят, спокойно проспите до утра. Иди-ка поближе... – Филонида Паисьевна цепко схватила Зосю за руку и притянула к себе. – Ты глаза прикрой, прикрой, ну... И моргни под веками. Три раз*а*. Темнота и отхлынет немного.

Чувствуя себя очень глупо, Зося послушалась, зажмурившись, заворочала глазами. А когда открыла их – увидела повисшую вокруг серую тусклую дымку.

- Ну вот. Так-то лучше. Ступай теперь сюда, да не бойся. Иди за мной.

В соседней комнатушке было очень тесно, из мебели у стены притулился древний сундук и такая же тумбочка. Толстое одеяло на полу было простёгано цветными квадратами, на нём лежали три подушки и свернутая простыня.

- Нас же четверо...

- Парня с вами не положу! Нечего, нечего охальничать. В своей комнате устрою, возле кровати на коврике поспит.

Зося представила Петьку, свернувшимся как кот на коврике и подхихикнула. Бабка Филонида тут же шикнула на неё и стала тыкать рукой куда-то на пол.

- Вон куколки, вишь? Рядком лежат. Так вы их не трогайте. Пусть до утра побудут.

- Это же... маки? – Зося присела на одеяло и осторожно коснулась подсохшей коричневой коробочки. Это действительно были маки. На длинных стебельках наверчены были кусочки тканьки, для надёжности прихваченные нитками.

- Были маки – стали куколки. Не тронь, лежат себе и лежат.

- Это вы их одели?

- Я. Кто еще.

Хлопнула дверь, возбужденно заговорили ребята, и Филонида Паисьевна прикрикнула, чтобы не шумели.

- У вас совы живут! – Петька был в полном восторге. – Такие прикольные. Крошечные, но злые! Меня за палец тяпнули. Прикинь, Зось.

- Нечего было лезть куда не просят.

- Да я просто погладить хотел. Они жутко забавные.

Зосю на миг ослепил свет от фонарика, а потом послышался разочарованный стон близнецов.

- Вы хотите, чтобы мы спали на этом? Все четверо??

- Парнишку с собой заберу. Мне спокойнее будет. А вы втроем отлично поместитесь. Давай, укладывайтесь. Время к ночи пошло. Пора.

- Филонида Паисьевна, можно мы немножечко посидим, поболтаем... – затянул было Петька, но бабка зашипела на него змеёй.

- Не можно! Сказано – ложитесь! Делать мне нечего – возиться с вами!

Пока девчонки с причитаниями размещались на одеяле, она провела Петьку в соседнюю комнату и проследила, чтобы он улёгся. Потом снова заглянула к девчонкам, пробормотала что-то неразборчивое, принялась водить над ними руками.

- Что вы делаете? – напряглась Полина.

- Колдуете? – попыталась усесться Владислава, но бабка легонько подтолкнула её на место.

- Спите. До утра спите. И куколок не троньте. Спите. Пусть вас ничто не потревожит...

Удивительно, но из-за приоткрытой двери раздался негромкий Петькин храп. Как он смог так моментально отрубиться? Зося только подумала об этом, а в голове что-то мягко всколыхнулось, и она стала проваливаться куда-то в темноту.

Удовлетворённо вздохнув, бабка на цыпочках вышла, и возле Зосиного уха немедленно что-то зашелестело.

Зося с трудом разлепила веки и увидела, как Полина трясет над ладонью оторванной от стебля маковой коробочкой.

- Пустая. А у тебя, Влад?

- Тоже пустая. Ладно, давай спать.

- Сейчас. Здесь еще одна кукла была... – Полина потянулась через Зосю, но та опередила, прижала бабкину самоделку к себе.

- Поцелуйся с ней ещё! – презрительно пробормотала Полина, но Зося не стала отвечать. Её продолжало плавно покачивать как на волнах, а где-то совсем рядом тихий голосок тоненько выводил заунывный мотив:

Баю да бай
Спи, засыпай...
Как помрёшь – в лес пойдёшь
Под сосной приют найдёшь
Густым мохом порастёшь
Баю да бай
Спи, отдыхай...

Глава 3

Пять лет спустя

Патрикевичи ничуть не изменились. От симпатичных домиков, окружённых цветами и деревьями, всё так же веяло умиротворением и уютом.

Возле заборчика бабки Филониды толклись куры, весело переругиваясь друг с дружкой и выклёвывая что-то в траве.

Отправив Петьке коротенькое «добралась», Зося задумчиво смотрела на их возню, прокручивая в уме детали предстоящего разговора.

Где-то высоко прозвучала сорочья трескотня, среди веток мелькнул рыжий хвост.

Курнеля то ли поприветствовала Зосю после долгой разлуки, то ли постаралась о чём-то предупредить.

- Привет, привет, - помахала ей в ответ девушка и снова взглянула в сторону дома.

Интересно, вспомнит ли её бабка Филонида? Не откажется ли принять и выслушать?

Тогда, пять лет назад, поговорить с бабкой ей не удалось – внезапно приболела Полина, и им прошлось срочно вернуться в поселок, а потом и в город. Всё произошло настолько стремительно, что Зося так никому и не рассказала про услышанный зловещий напев. Но впечатленная им, стала изучать это направление в фольклоре и будущую магистерскую диссертацию посвятила разбору этого феномена. Всё это случилось много позже. А тогда в сентябре, вернувшись с каникул на пары, она не обнаружила в группе ни близняшек, ни Петьки. Как выяснилось – ребята перевелись на исторический факультет. Инициатива исходила от девчонок, а Петька безропотно последовал за ними. Встречалась Зося с ними с той поры редко и мельком, общение в сети тоже свелось к минимуму, и дружба с Петькой постепенно угасла. Поначалу Зося переживала, но потом привыкла и смирилась.

После окончания института она поступила в магистратуру, уехала учиться в другой город, увлеклась исследовательской работой, завела странное хобби и перестала думать о бывших знакомых.

Так пролетело два года. И вдруг Петька сам вышел на связь.

Он позвонил в первый же вечер после её возвращения домой, предложил увидеться, и Зося согласилась. Ей захотелось на него посмотреть, узнать - как жил всё это время, чего достиг.

Петька выглядел всё тем же добродушным увальнем. С улыбкой поприветствовав Зосю, полез обниматься, преподнёс коробку любимых конфет. Истинное его настроение выдавал лишь взгляд – потухший, без прежнего огонька.

Они потрепались ни о чём, выпили по чашечке кофе. А потом Петька неожиданно попросил Зосю о помощи.

Как оказалось, Полина с Владиславой переживали сложные времена. Полина из-за болезни так и не смогла доучиться. У неё начались странные приступы и корчи. После них девушка ничего не помнила, но во время припадков вела себя неадекватно – бормотала какие-то заклинания, выла, пыталась рвать на себе волосы, царапалась, кусалась. Пришлось даже на время поместить её в специализированное учреждение чтобы подлечить. Это ненадолго помогло, но полностью проблему не устранило.

У Полины наступали периоды облегчения, и она становилась как все – обычным, нормальным человеком. К сожалению, совсем излечиться от припадков не удалось, и девушку по прежнему «накрывало». Сейчас она тоже находилась в стационаре на "плановой профилактике". Так деликатно выразился Петька.

Владислава остро переживала происходящее с сестрой. За это время она сблизилась с Петькой, у них завязались отношения. Всё было нормально, но недавно начались странности – Владислава как и Полина понемногу стала чудить.

- Вроде мелочи, но показательные такие, как у Полины раньше. Сначала глупости всякие были – сахар на соль подменит, мёдом намажет стул, супом меня обольёт и с улыбкой следит за реакцией. Я думал, что случайно, но нет – она даже не отрицала, что специально всё. И посмеивалась, отказывалась объясниться. А когда настаивал – обижалась, начинала плакать. Потом правда – словно спохватывалась, каялась, просила прощения. Твердила – что на неё находит что-то, заставляет так поступать. Я верил, успокаивал. И всё опять повторялось. А недавно стало еще хуже. - Петька покосился на Зосю и чуть покраснел. - Я проснулся среди ночи от голоса. Как на старой пластинке. Граммофонный такой голос. Неестественный. Неприятный. Говорит и говорит что-то, а смысла слов понять невозможно. И веки такие тяжёлые, давят. Хочу Владу позвать и не могу. И глаза не открываются. Паршивое такое состояние. И этот голос в тишине всё бормочет что-то, бормочет...

Петька передёрнулся, вспоминая, а Зося отметила, что он всё же сдал немного, постарел за свалившимися проблемами. Появилась продольная морщина на лбу, возле рта залегли жёсткие складки.

Рассказ Петьки она восприняла спокойно – за время подготовки диссертации многого начиталась в первоисточниках, много историй наслушалась в полевых экспедициях, многое из того приняла на веру. Из этой веры родилось и её удивительное хобби, приносящее неплохой доход.

- И что было дальше? Как ты справился, Петька?

- У меня напоминалка на телефоне сработала. До сих пор не пойму – с чего вдруг. Я на утро ставил, на шесть часов. А она ночью включилась. Часа три было. Что-то около того. Запиликала, заиграла. И сразу отпустило, тяжесть сошла. Я глаза распахнул – а Влада склонилась надо мной и смотрит. И улыбка такая неприятная, не обычная её улыбка! Только я прочухался – она прилегла. Объяснила, что я закричал во сне, вот она и испугалась, поднялась посмотреть. Но я не верю, Зось. У неё на лице не испуг был – а интерес, что ли. А еще удовлетворение. Будто я подопытный какой, и всё идёт по плану! С ней что-то нехорошее происходит, Зось. С Полиной тоже похоже начиналось. Помоги разобраться, Зось! Как друг прошу! - Петька вздохнул и, решившись, добавил. - А еще Влада на детей заглядываться стала. У нас в соседях семья с двумя малышами. Раньше они ей безразличны были, здрасьте да здрасьте. А теперь как увидит - так шею тянет, всё смотрит - не может оторваться прямо! И улыбку такую корчит искусственную, сюсюкает так фальшиво - какие милые, какие чудесные крошки. Приводите их к нам, я с удовольствием пригляжу... А дети от неё шарахаются, будто чувствуют что-то. Помоги, Зось!

- Да почему я-то? – Зося отвернулась. Как припекло, так сразу вспомнил про дружбу после стольких лет! Но упрекать Петьку она не стала, ни к чему были теперь глупые детские обвинения и обиды. Только переспросила удивлённо. – Почему я, Петь?

- Потому что с нами тогда была. На практике в деревне. Потому что в глубоко в теме! Я думаю, всё с того лета началось. После того, как у бабки Филониды заночевали.

- С той ночи? – Зося вспомнила скрипучий голосок и жуткие слова тихой колыбельной. Уже потом, занимаясь исследованиями, она поняла, насколько расходились они с истинным смыслом песни, какую силу в себе заключали.

- Я тогда видел что-то, в бабкином доме. Вроде тени на стене. Большой, изломанной. Как корявая ветка. – пряча глаза, Петька пригладил коротко остриженный затылок. – Понимаю, что это звучит дико...

- Почему же сразу не признался? – перебила его Зося. – Нужно было расспросить бабку!

- Да как-то стыдно было... Боялся – девчонки засмеют. А потом Полинке поплохело. Не до тени стало. Отвлёкся и забыл.

- А пение слышал?

- Пение? – Петька явно не ожидал подобного вопроса.

- Пение. Что-то вроде колыбельной.

- Не было пения. Только дождь шумел. И бабка похрапывала.

- Ясно. И что эта тень?

- Да ничего... Проползла по стене и утянулась за дверь.

- За дверь – эту куда? К нам?

- К вам, - Петька виновато опустил голову. – Прости, Зось. Меня тогда как пришибло. Вроде паралича. Ни дёрнуться, ни заговорить – ничего не мог. И почти сразу вырубился.

- У тебя тоже была кукла?

- Какая кукла? – не понял Петька. – Никаких кукол я не помню. Травы пучками были, косичка какая-то из сена и маков. А кукол вроде не видел. Ты почему спросила?

- Потому что нам бабка куколок положила. Не куколок даже – маковые стебли с коробочками. И на каждом тканевая обмотка.

- Зачем?

- Для защиты.

- От кого?

- От *ночницы*, Петь, есть такой опасный дух. Или демон. Потустороннее существо. Мы про него позже проходили, без вас.

Петка моргнул растерянно, и закусил губу.

- Та тень, что я видел... ты думаешь – это была *ночница*??

- Не знаю. Могу только предположить. Филонида не зря обереги всем раздала.

- Но мне не дала!

- Потому что у неё в комнате их и без того было полно! Сам же сказал, что видел маки. Маки, Петь, первейший оберег от ночных кошмаров. Это я тебе как специалист говорю.

- Как специалист, - Петька улыбнулся. – Ты где работаешь-то?

- Пока нигде. Только магистерскую защитила. «Мифологическая персонификация «ночного кошмара»: структура фольклорного образа и ареалы его бытования».

- Впечатляет, - покивал Петька. – Круто сработала. А почему именно эта тема?

- Всё потому. Увязла я в ней как муха после той ночи.

Они помолчали. Петька полез посмотреть сообщения, а Зося украдкой продолжала его разглядывать, радуясь, что больше не испытывает ни обиды, ни сожаления об утраченных отношениях.

Откровенно говоря, по-человечески ей была безразлична судьба близнецов. Но ради научного интереса стоило попробовать разобраться в случившемся. Именно тогда за столиком в кафешке Зося приняла решение вернуться в Патрикевичи и с пристрастием расспросить бабку Филониду...

...Рядом на дереве настойчиво прострекотала сорока, оранжевым всполохом мелькнул лисий хвост.

Зося встряхнулась и медленно пошла к деревне, даже не подозревая во что ввязывается.

Глава 4

Дверь оказалась не заперта, и Зося, постучав, заглянула в полутёмные сени.

- Филонида Паисьевна. – позвала негромко хозяйку. – Вы дома?

- Дома, дома, - прошелестело из темноты. Белым пятном мелькнул платок, скрипнула внутренняя дверь, пропуская бабку в комнату.

- Гостей принимаете? – Зося удивилась такому странному поведению.

Филонида Паисьевна не поздоровалась, не поинтересовалась кого Зося ищет и что ей здесь нужно. Без всякого страха впустила в дом чужого человека. Не могла же запомнить её с прошлого визита? Ведь столько лет прошло. А может быть всё дело в причудах возраста? По Зосиным прикидкам бабке должно было быть примерно под восемьдесят лет.

Потоптавшись в сенях, Зося всё же решилась пройти дальше. Не торчать же здесь столбом, ожидая приглашения.

Может вернёшься? – скользнула в голове непрошенная мысль. Какое-то неясное предчувствие, слабый намёк на возможные неприятности попытались удержать девушку от следующего шага, но она предпочла этого не заметить.

Зря что ли потратила столько времени, добираясь в Патрикевичи. Да и Петьке обещала.

День выдался солнечный, яркий – июнь только только набирал силу. А в доме было сумрачно и прохладно. И пахло как из погреба – отсыревшей древесиной и немного плесенью.

Зося остановилась у порожка, тщетно выискивая глазами хозяйку.

- Филонида Паисьевна. Где вы? - собственный голос прозвучал жалко и испуганно. Что творит эта бабка? Неужели и правда выжила из ума?

Позади жалобно проскрипела дверь, отсекая возможность к отступлению, за печкой послышалась возня и встревоженный свист.

- Филонида Паисьевна! С вами всё хорошо? – проговорила Зося в пустоту, а потом ей на затылок легла чья-то рука!

Прикосновение холодных пальцев отдалось в голове вспышкой боли, и всё вокруг заплыло чернотой. Зося не смогла повернуться, не смогла сбросить руку-прилипалу. В зависшей мути послышался звук чьих-то шагов, недовольное бормотание, упрёки. Кто-то засмеялся - зло, неприятно. А потом заспорили два голоса – на повышенных тонах, перебивая друг друга...

- Вот же принесло тебя не ко времени, дэвонька. Просыпайся, ну! Открывай вочы. Да ты слышишь меня? Дэвонька! Приподнимись, я помогу. Вот так, вот д*о*бра. Выпей водички, я на репейнике настояла. Глотни, не противься. Вот так.

- Что... случилось? – выдохнула Зося, пытаясь отвести от себя стакан с горьковатой жидкостью.

- Да уж случилось... – бабка Филонида осторожно подвела её к лавке, помогла присесть, подложила под спину вышитую думку.

В комнатке было светло, белые занавесочки трепетали от лёгкого свежего ветерка, солнечный свет ломтями лежал на пёстрых половичках, из корзинки на столе выглядывали румяные булочки. Всё это настолько не походило на прежнюю картинку, что Зося молча смотрела по сторонам, не в состоянии подобрать слов для вопросов. – Не ко времени ты зашла. Не надо было. Углядела, небось, *курнелю*-то? Она подманила?

- Сорока с лисьим хвостом? Я её видела... Только никто меня не подманивал. Я сама приехала. По делу! – память, наконец, полностью прояснилась, и Зося почти смогла стряхнуть с себя тягостное ощущение чужого прикосновения.

- По делу... Небось, за тех свиристелок волнуешься? - бабка Филонида снова протянула стакан, но Зося жестом показала, что пить не будет.

- Вы помните нас? Ведь пять лет прошло!

- Помню, конечно. У меня гости редко бывают.

- Но вы же знахарка? Корнеич рассказывал, что лечите людей.

- Приходилось и лечить. В помощи никому не отказывала. А вот тебя вылечить не смогу... Болит голова-то?

- Да нет. Подкруживается еще немного. А в остальном я нормально себя чувствую.

- Не поняла, значит, ничего? Не ощутила?

- Что, простите? – всё-таки Зосе трудновато было сосредоточиться. – Что я должна была ощутить?

- Да страту, потерю. Говорю же – не в добрый час ты ко мне заглянула.

- Какую потерю? – Зося поискала глазами сумочку. – Вы про деньги? Про карточку?

- Да что те деньги, - отмахнулась бабка. – Похуже потеря-то, дэвонька. *Дзядкін* (дедкин, бел.) след у тебя из души выкрали. Память рода. Говорила же – не смотри на *курнелю*! Не выдавай себя!

- Я ничего не понимаю! – Зося поморщилась и потёрла виски. За время работы над диссертацией она изучила много литературы, но про *дзядкін след* слышала впервые. – Объясните, Филонида Паисьевна!

- Объяснить то нетрудно, да только толку в том! - бабка с сожалением посмотрела на Зосю, покачала головой. – Поесть тебе надо. Кожа бледнее извёстки. Молока тебе налью. И булку бери, маслом намазывай, вареньем.

Молоко обнаружилось в кувшине, рядом с корзинкой сдобы. Варенье - в баночке, масло – на блюдце.

- Что сидишь? Угощайся! У меня всё своё!

Пошатываясь, Зося подошла к столу, пригубила холодное сладковатое молоко, отщипнула кусочек от булки.

- Вот и молодец! – похвалила бабка, отливая немного из кувшина в щербатое блюдечко. Покрошив следом и булку, отнесла месиво к печке, задвинула поглубже в подпечье.

- Это для кошки? – Зося равнодушно следила за её действиями.

- Для *цвыркуна*. Он любит молочко.

Зося не поинтересовалась – кто такой *цвыркун*, её волновали сейчас совсем иные вещи. Прекрасно понимая это, бабка Филонида не стала тянуть – рассказала всё без утайки.

- Я в лесу была, травки щипала. Не ждала ведь гостей, вот и пошла. Хотя *цвыркуша* с ночи беспокоился, сверчал громко, не давал спать. Вишь, прав оказался. А я сплоховала. Впрочем, не я одна. Говорила же тебе – молчи! Не выдавай особенность свою. Так нет же – всем про *курнелю* наболтала! Вот она тебя и почувствовала!

- При чём здесь ваша *курнеля*?

- При всём, дэвонька. При всём. То сестра моя. Авигея. Она твоего *дзядку* и присвоила.

- Как его можно присвоить? Он что – вещь?

- Он – частичка тебя, та, что по роду досталась. Особенная. Знаткая. Она тебе *курнелю* и показала. И много чего показать могла бы еще, много чем помочь, многое прояснить...

- Но я её никогда не чувствовала. Эту частичку! Вы не ошибаетесь? – слабо возразила Зося. Не верить бабке у неё не было причины. Тем более, что после того прикосновения где-то внутри до сих пор тлел холодок.

- В таких вещах у меня глаз намётан. Сразу же тебя предупредила!

- А где сейчас ваша сестра?

- В лесу. Где ж ей еще быть. Сюда она редко приходит. Знает, что мне это не нравится. Но не пустить не могу, и защита бесполезна – дом её всегда пропустит. Он чует кровь. А она у нас одинаковая.

- Зачем ей мой *дедка*?

- Ведзьмарку чужая сила питает. Вот и позарилась на твоего *дзядку*. Авигея и тогда вокруг дома крутилась. Я потому вам куколок и дала. Чтобы усыпили да от *ночницы* оградили. Авигея через *ночницу* твоего *дзядку* выманить хотела. Да куколка раньше успела, убаюкала тебя.

- Это куколка мне пела? Ту колыбельную?

- Она. Я сама -то против сестры ничего не могу – повязаны кровушкой. Потому и приспособила куколок.

- А Полина с Владой их поломали!

- На семена, небось, проверяли. По привычке. Маковые семена любой приворот закрепят.

- Приворот?

- Приворот. Парень-то ваш как чумной ходил. Сразу видно – под чарами. Под приворотом. Да не простым – двойным. А это, считай, всё.

- Вы думаете, что девчонки приворожили Петьку?? - искренне изумилась Зося.

- Не думаю. Знаю.

- Почему же вы не сказали??

- Зачем? – удивилась бабка. – С чего мне встревать в ваши отношения? Если бы ко мне за помощью обратились – тогда другое дело. А так-то – с чего?

- А я ведь сейчас за помощью приехала. У Полины нехорошо с головой, а теперь и у Влады тоже. Меня Петя попросил разобраться...

- Петя попросил... – беззлобно передразнила бабка, - а ты и побежала... Давай, что ли глянем по ним, раз приехала. Мне вещичка от каждой нужна, любая.

- Сейчас, мне Петька давал... – Зося бросилась к сумке, вытащила заколку в виде пера и шёлковый черный платок. – Вот, возьмите. Заколка Полины, а платок Владиславы.

- По очереди погляжу. Ты помолчи пока.

Филонида Паисьевна обхватила ладонями заколку, прикрыла глаза, помолчала. В комнате сделалось тихо, лишь из-за печи едва слышно доносилось слабое посвистывание. Наверное, там возился таинственный *цвыркун*, напевал что-то, отведав бабкиного угощения.

- Тьма и ложь! – Филонида отшвырнула заколку и обтряхнула руки. Потом взялась за платок, но тут же его оттолкнула. – Здесь – пустота, этой дзеўки *ночница* не касалась.

- Но как? Они же обе...

- Тьма и ложь! Вот и весь ответ. Под чарами только одна. И она рядом с твоим Петькой. Вторая – жертва. Сестра пошла против сестры.

- Не понимаю!

- Не мудрено. Как тебе теперь понять, когда *дзядка* утрачен.

- Объясните хотя бы – кто из близнецов лжёт! Кого коснулась ночница?

- Вот её. Хозяйку заколки.

- Полину? Но она сейчас в больнице!

- Она – рядом с Петькой твоим. Обманула всех. В больнице другая. Говорю же – тьма и ложь!

- Вы хотите сказать, что Полина представилась Владой? Но это невозможно! Влада бы не позволила так с собой поступить!

- У, дэвонька! Не ведома тебе сила злого навета. Она и не пикнула, небось, твоя Влада. Покорно выполнила всё, что приказали.

- И... что теперь? Как это исправить?

- То дело почти невозможное.

- А *дедку* можно вернуть?

- Ох, дэвонька. Боюсь, как бы нас не подслушали. Позже поговорим. Я тебя в баньку свожу. Там и потолкуем.

Глава 5

Банька, в которую отвела Зосю бабка Филонида, пряталась в ивах у заросшего ряской пруда. Она считалась ничейной, деревенские обходили её стороной. Когда-то давно в баньке угорела старая повитуха, да так и осталась при ней вековать.

- Ты, главное, не бойся. – наставляла Зосю Филонида Паисьевна. – Повитуха та незлобивая. Мне про неё еще пра-пра сказывала. Совсем уж дряхлая была, а роженицам помогала. Вот и последнего младенчика приняла да выходила. А потом уже в баньку отправилась да задремала на полке. С той поры *лазной* (банной) бабушкой и существует.

- Я париться не люблю. Не переношу жару и духоту.

- Тебе и не придётся. Банька эта по-черному топится. То целая наука. Дело долгое. Тебе с этим не справиться, слишком сложная работа. Да и опасно, можно газов надышаться.

– А что же тогда мне там делать?

- А вот научу. Ты как войдёшь в парилку - поклонись в угол на каменку. А потом испроси у *лазной* разрешения попариться. Если послышится звук какой - стукоток, бряканье, кашель – значит получила согласие, *лазная* дала добро. Тогда ложись на лавку спиной кверху и жди.

Лазная, ясное дело, тоже баньку не растопит. Но выйдет к тебе непременно, чтобы веником отхлестать.

- Что-то мне не по себе! Боюсь, что не справлюсь... – от бабкиных наставлений у Зоси всё перепуталось в голове да горло сжималось от страха.

- Должна справиться. Я бы с тобой пошла, да нельзя. Такие вещи один на один совершаются. Справишься, ничего в том мудреного нету. – Филонида Паисьевна успокаивающе похлопала Зосю по плечу. – Ты мыло, что дам, на полок положи. Это треба для *лазной*. А веник у

лавки оставь, на видном месте. И главное – на *лазную* не смотри! Чтобы тебе не примерещилось - знай лежи, поняла?

- Кажется, да.

- Как станет *лазная* веничком хлестать – терпи, проси только, чтоб пошибче била.

- А может обойдемся без веника?

- Не получится обойтись. Да ты в одеже будешь, не развалишься, перетерпишь. Вот *лазная* тебя веником побьёт, все косточки руками расправит – тогда благодари. А уж потом вопрос задавай. Подскажи, мол, банная бабушка, как мне *дзядкін след* вернуть, как у ведзьмы своё выманить?

- А если она не скажет?

- Должна сказать. На прямой вопрос – будет прямой ответ. Для тебя может и непонятный. Ты только запомни его слово в слово, я после растолкую.

Зосе всё меньше и меньше хотелось в баньку – от мысли, что ей придётся общаться со сверхъестественной сущностью немели пальцы и холодела спина. Зося знала великое множество быличек и историй про жуткие «шалости» банных духов. Что если *лазная* бабушка тоже решить над ней похоже подшутить?

Вдвоем с Филонидой Паисьевной ей было бы не так страшно. Но бабка объяснила, что станет сторожить снаружи – чтобы никто чужой не залез. Под чужими она подразумевала вовсе не людей, а праздношатающихся вокруг деревни нечистиков.

Вид крошечной просевшей в землю баньки окончательно испортил Зосино настроение. Она даже захотела всё отменить, но под строгим бабкиным взглядом стушевалась и не решилась ей перечить.

- Ты всё запомнила? Наука несложная.

- Всё. Кажется всё. – упавшим голосом отозвалась Зося.

- Вот, веник возьми. И мыло. – бабка вручила девушке туго увязанный пучок дубовых веток и тряпочку с хвойным мылом внутри. Подтолкнув покосившуюся дверь, жестом показала – иди.

Стены запущенного помещения сплошь покрывал закопченный нагар. Маленькое окошко почти не пропускало дневной свет, и от этого в парилке было темновато. В углу рядом с дверью лежало несколько камней. У стены за камнями был пристроен лежак для парения. Лавка, про которую говорила бабка Филонида, располагалась напротив.

Доски пола и раньше прилегали друг к другу неплотно, и вода свободно просачивалась сквозь них. Теперь же они разошлись еще сильнее, и приходилось наступать осторожно, чтобы ноги не угодили в щели.

Пробираясь к лавке, Зося неловко отступилась, и, едва не упав, упустила из рук и веник, и мыло в тряпочке. Веник немедленно застрял в одной из щелей, мыло же провалилось между досками. Чертыхнувшись, Зося поняла, что искать его бесполезно и решила, что обойдётся и так.

Вытаскивая веник, Зося поцарапала руки, перепачкалась сажей и паутиной. Разозлившись на себя за то, что согласилась на такую авантюру, плюхнулась на лавку, забыв поклониться и спросить разрешения попариться.

Время шло, но *лазная бабка* не подавала сигнала, в баньке стояла тишина.

А потом под лавкой негромко зашлёпало и из-под неё выбралась толстая бородавчатая жаба. Повернувшись к Зосе, жаба уставилась на неё круглыми жёлтыми глазами и вдруг принялась расти! Сначала сделалась размером с кошку, потом – с крупную собаку, а потом и вовсе раздалась по сторонам, уперевшись спиной в потолок парилки.

Распахнув рот, жаба мигнула – раз, еще раз, будто подавала сигнал. И пребывающая в оцепенении Зося с ужасом поняла, что её приглашают залезть внутрь! Таким способом в быличках описывалось посвящение в колдуны и ведьмы. Вместо жабы могло появиться любое

другое животное, но правило было одинаковое – требовалось залезть к животному в пасть и выбраться с другой стороны. Зося всегда считала прочитанное преувеличением, вымыслом, возможно специальным обрядом, имитирующим прохождение человека через желудок животного с целью излечения или преодоления собственных страхов. Теперь же, уставившись на клубящуюся черноту в жабьей пасти, она чувствовала себя точно в фильме три-д формата. Смотрела и не верила, что это происходит наяву и всерьёз! Живо вспомнились ей сейчас и страшные рассказы про девушек, утащенных нечистью под каменку, байки о лютующем баннике и злой обдерихе, сдирающей кожу с людей, истории о ведьмах, творящих в банях запретные, противные человеческой природе обряды.

Осев на полу грузным кулем, жаба терпеливо ждала, но никакие сокровища мира не смогли бы сподвигнуть Зосю нырнуть в темную пахнущую тиной глубину её пасти.

Бочком, в обход жабы, девушка медленно двинулась к дверям, но на самом порожке чья-то волосатая лапа настигла её, схватила за щиколотку и дёрнула назад.

От камней раздалось шипение, лицо опалило жаром.

Зосю повалили на лавку, прижали голову к грязной вонючей поверхности, задрали футболку и яростно принялись нахлёстывать веником по обнажённой спине.

Липкий удушливый пар растекся по комнате, в горле будто заскреблось когтями. Дыхание сбилось, сердце взвилось - Зося замычала, закашлялась, забормотала сквозь взявшиеся коростой губы «Отче наш».

И всё пропало. Отхлынуло наваждение. Веник отлетел к камням.

А Зосю бережно подхватили чьи-то мягкие руки да поволокли из бани прочь.

Она смогла заговорить только через время, когда полностью исчез из груди тяжёлый давящий комок. Всхлипывая и трясясь, описала бабке свои злоключения.

Филонида Паисьевна не стала ругаться и сетовать. Поддерживая Зосю за плечи, молча повела её обратно к своему дому. Посадив на стул рядом с печкой, захлопотала над иссеченной спиной, помазала чем-то прохладным и лёгким, положила поверх пропитанную травяным настоем марлю, велела сидеть и не дёргаться.

- Ваша *лазная* меня едва не убила! – Зосю еще немного потряхивало от пережитого кошмара.

- А кто виноват, что всё сикось-накось пошло? Ты сама всё испортила! В баньку не попросилась, поклон не положила, подарок как следует не поднесла, да еще и нечистого помянула! Вот тебе и преподали урок!

- А зачем *лазная* лягушкой прикинулась?

- Откуда же мне знать. Ты правильно сделала, что в нутро к ней не полезла. Мало ли что там могло ожидать...

Филонида Паисьевна подала Зосе воды и ложку с коричневым порошком.

- Выпей ка. Это от чар.

- От чар?

- Защита. Чтобы Авигея в голову не проникла пока спать будешь.

- А из чего порошок?

- Перетёртые семена мака и толченый корешок дягиля. Пей, не сомневайся – средство надёжное.

Зося послушно выпила предложенное снадобье. Оно подействовало удивительно быстро: неприятные воспоминания о пережитом отступили, её потянуло прилечь.

- Сейчас постелю тебе, только повязку сменю. – бабка Филонида погладила девушку по голове. – Ох ты, заблудшая душа... Ничего, ничего. Справишься с тяготой, вернёшь утерянного дзядку. Оклемаешься малость и в лес тебя поведу, там станем искать ответы.

- А нельзя как-то иначе их найти? – Зося зевнула в ладошку. - Не выходя из дома?

- Иначе – нельзя. Но да ничего. Ты теперь практикой наученная, так что справишься.

Глава 6

Несмотря на выпитое снадобье бабы Филониды, Зося спала очень плохо. В вязкой тревожной дрёме чудилась ей жаба из бани, хватала за ногу, тащила к себе в рот. Зося отбивалась, но руки вязли в мягкой как тесто туше, от сладковатого приторного запаха гнили кружилась голова. Неожиданно на голову жабы слетела *курнеля*, прищёлкнула клювом и продекламировала трескуче:

- Зр-р-ря-ты-приехала... -зр-р-ря... зр-р-ря... зр-р-ря...

Спрыгнув Зосе на спину, заскреблась острыми коготками, и кожа засаднила как от ожога.

Зося заворочалась, пытаясь скинуть юркую птицу, и проснулась.

Ночь была темная, глухая. Истончённый месяц совсем затерялся среди звезд.

Ни звука не доносилось с улицы. Лишь тоненько всхрапывала в соседней комнате бабка Филонида, да, вторя ей, монотонно посвистывал сверчок.

Зося вдруг подумала, что не видела никого из местных. Когда Филонида Паисьевна вела её к пруду - им никто не попался навстречу.

Домики выглядели ухоженными и обжитыми, повсюду росли цветы и деревья, но ни в одном дворе она не было ни собаки, ни кошки. Да и куры крутились только возле бабкиного жилья.

Странно, что никто не вышел поглазеть на неё. В деревнях ведь всё по-простому, и народ по большей части любопытный.

Возможно – домики, это чьи-то дачи? И люди приезжают сюда провести выходные и отдохнуть. А постоянно здесь живет лишь бабка Филонида и её сестра.

Где-то она сейчас?

Не рыщет ли поблизости?

А может и нет никакой сестры? И случай в бане подстроила сама Филонида? Специально, чтобы запугать, чтобы оставить у себя!

А она поверила, повелась как глупая овца!

Только зачем Филониде её присутствие? Зачем все эти интриги?

Зося потёрла лоб и вздохнула. В голову лезли совсем уж невероятные мысли.

Наверное, ей лучше поспать.

Повозившись, Зося накрылась с головой, чтобы отгородиться от внешнего мира. Она частенько так поступала в детстве – пряталась в воображаемом домике, а одеяло служило защитным колпаком.

Некстати вспомнив про ночницу, Зося попыталась придумать слова защитной колыбельной, и впервые за всё время не смогла.

Ставший таким привычным навык пропал!

Может это его украла бабкина сестра? Может способность творить обережную защиту - это и есть таинственный дедка?

Это умение появилось после той полевой практики, и Зося с тех пор умело использовала его.

Отставив безуспешные попытки придумать колыбельную, Зося задумалась о прожитом дне, попыталась систематизировать впечатления, определить своё отношение к ним.

Привычная картина мира дала трещину, и Зося пыталась понять и принять эти изменения. Одно дело изучать фольклор как архаическое наследие предков, а другое убедиться воочию в существовании его представителей.

Но ведь и её небольшое хобби тоже нельзя было назвать обычным. Страшные колыбельные на заказ – как отреагировали бы нормальные люди на это? Покрутили бы пальцем у виска, усомнились в её дееспособности? Тем не менее у Зоси была своя клиентура, её находили по

сарафанному радио, поскольку никакой рекламы она не давала. И вот теперь эта способность оказалась утрачена.

Возможно, всему виной стресс, потрясение от пережитого в бане. И со временем все постепенно наладится

Зосе очень хотелось в это верить, но в глубине души она понимала, что все гораздо сложнее.

Она так и не написала Петьке. А он, наверное, забросал чат сообщениями. А может даже звонил.

Сотовый лежал на подоконнике, и Зося подошла к окошку, чтобы проверить переписку.

За стеклом расплывалась темнота. Лишь где-то далеко в лесу мерцала яркая точечка, на краткий миг вспыхивая малиново-алым и тут же пригасая.

Почему-то она заинтересовала Зосю, и чем дольше девушка наблюдала за игрой света, тем явственнее становилась картинка, тем чётче проступали мелькавшие на фоне огня призрачные тени.

Какая-то сила поманила Зосю туда, и, не задумываясь ни о чём, девушка отперла дверь, бесстрашно вышла в тихую настороженную ночь, двинулась по дорожке среди благоухающих сладостью цветов. Перед глазами мерцал и переливался малиново-алый огонь, и нежные голоса пели медленно и протяжно.

Резкий вскрик перебил навязчивую мелодию. Серый комок на заборчике шевельнулся. Мигнули жёлтым круглые глаза.

Это была птица, сова. Встрепенувшись, она полетела прямо на Зосю!

Задев крылом волосы девушки, уронила ей под ноги перо и пропала.

Этого оказалось достаточно, чтобы исчез огонь, рассеялись по ветру голоса, и Зося пришла в себя.

Она подняла перо, провела пальцем по мягким нежным волоскам, пытаясь понять, что случилось.

Где-то рядом зацокала другая птаха. У лица прозвенел тоненько комар. И саднящей болью напомнила о себе пострадавшая от веника спина.

Что она делает на улице? Босая, в одной лишь сорочке? Как могла поддаться мороку далекого костра?..

С улицы во двор наползала седая пелена, несла с собой влажную свежесть. Начавшая подмерзать Зося поспешила вернуться в дом, но её неожиданно окликнули.

Старушечий голос осведомился ворчливо - почему она шляется здесь и не спит.

Застигнутая врасплох девушка ласточкой взлетела на крылечко и уже оттуда посмотрела назад.

- С чего бродишь посередь ночи, спрашиваю? – за заборчиком маячила низенькая тень. – С чего приключалки на голову собираешь?

- Я... просто так вышла... подышать... – соврала Зося, силясь рассмотреть вопрошавшую.

- Подышать... Не углядела ли чего не надобно?

- Огонёк в лесу. – само собой вырвалось у Зоси.

- А кроме огня – ничего не блазнилось?

- Кажется, тени еще были...

Перед Зосиным взором яркой вспышкой мелькнула картинка – большой костёр на поляне, и призрачные девы, танцующие возле него... Иные в рубахах, иные нагишом кружили в опасной близости от огня, ничуть не опасаясь сгореть. А над деревьями маячило что-то длинное нескладное остроголовое... покачивалось в такт безудержной пляске.

- Тени... – у старухи была странная манера повторять услышанное. – Русалки хороводы повели, подходит их время.

- Русалки... – Зосю уже ничто не удивляло.

- Русалки... Ты ближе ко мне подойди, не надо, чтобы наш разговор услышали. Подойди, подойди. Да не бойся, не съем тебя, слишком жестка.

Она зашлась глуховатым смехом, а Зося послушно побрела к заборчику.

- Значит, углядела всё ж таки русалок. То плохо. Теперь ведь блазь не отлипнет. Опять начнёт в лес сманивать. Пока не сгубят тебя – не отстанут.

Зося вздрогнула от зловещего предсказания, и спина тут же откликнулась болью.

- Хорошо вчера попарилась? - понимающе ухмыльнулась старуха.

- Лучше не бывает... – вздохнула Зося и спохватилась. - А вы откуда знаете?

- Оттуда и знаю. Что же – крещёная ты?

- Нет. Не крещеная.

Старуха кивнула – то ли одобряя, то ли с осуждением.

- И молитв не знаю. Только Отче наш. Да и то путаюсь.

- Что не знаешь – не страшно. Толку от них никакого. Не любят здешние крещёных.

- Почему не любят?

- Потому как крест вроде ключа. Перекрестье землю запирает, выход закрывает. А от того злоба копится. А уж от злобы все беды идут.

- Но молитва меня спасла! Вчера, в бане!

- Молитва... Помощь тебя спасла, иначе не стояла бы сейчас рядом со мной. Не надо было тебе приезжать. Но раз вернулась к нам в Патрикевичи – теперь не зевай. Непросто здесь. Всё по-другому. Ну, да ты сама уже поняла...

- Не совсем. Не совсем поняла. Но догадываюсь. У меня хорошая теоретическая база.

- Ишь ты, слова то какие ввернула... – старуха опять засмеялась. – Ну, ничего. Хлебнёшь лишку – проветришь головушку. Иди уже. Ночь тёмная, страшная. Принесёт еще кого из стихийных... Иди, пока Филонида не хватилась. Нечего ей знать про наш разговор.

- А вы не боитесь ночью гулять?

- Я-то? Мне можно. Ты, если снова в лес потянет и не сможешь сдержаться - на венки там не засматривайся, не расплетай ветвей на березах. Что станут спрашивать – не отвечай. Через плечо не оборачивайся и главное – в след *лесунов* не угоди. Поняла?

- Нет... – растерялась Зося. – Как я пойму, где этот след? И почему нельзя смотреть на венки? Я и сама сплести хотела, на Троицу.

- Потому. Венки - забава русалочья. И косы на берёзах. Могут и наказать, если влезешь да испортишь. Седьмица русалкина подходит. Злые они теперь, будут лютовать. Хорошо, если днём в хоровод затянут да лоскатуху напустят. А если ночью к ним выйдешь – считай всё, не отпустят. Лютое теперь время! Вишь, уже знак подают, огоньком приманить пытаются. О том и предупреждение моё – не зевай!

- Я не пойду, не пойду в лес! – Зося попятилась.

- Не зарекайся. Всяко может случиться. Главное – не откликайся, не заговаривай с ними! И в след лисунов не ступай. Под лисуновой ногой земля вниз уходит, мягчеет твердь, как после дождя.

- Я лучше пойду. Спокойной ночи.

- Ты слышишь, если понадобится что – совет или помощь – *цвыркуну* пошепчи, он мне передаст. И не говори своей, что я приходила. не говори. Пообещай мне!

- Обещаю! – шепнула Зося, и старуха отступила назад, растворяясь в тумане.

Зося же повернулась к дверям и... проснулась.

В окошко пробивался свет, на кухне гремела посудой бабка Филонида.

Девушка полежала немного, вспоминая детали разговора.

Ведь было так реально, так убедительно! И манящий огонь, и сыч-спаситель, и странная незнакомая старуха!

А оказалось всего лишь сном, игрой подсознания.

Осторожно потянувшись. чтобы не потревожить спину, Зося начала одеваться. И лишь тогда обнаружила лежащее рядом с подушкой перо.

Глава 7

Удивительным образом перо помогло Зосе «собраться» - стоило взять его в руки, как в голове сам собой возник четкий план действий.

Зося решила, что сначала позвонит Петьке, чтобы кратко отчитаться о событиях вчерашнего дня, а потом вернётся в посёлок, где сняла комнату в уютном гостевом домике. Валентина – симпатичная хозяйка мини-гостиницы – не знала о Зосином походе в Патрикевичи и вполне возможно уже начала волноваться из-за её отсутствия.

Проигнорировав несколько непринятых звонков с неизвестного номера, Зося набрала Петьку, но тот оказался «вне доступа». Более того - он ни вчера, ни сегодня не попытался с ней связаться! Не поинтересовался как она устроилась, не прислал даже коротенькой реакции на её вчерашнюю смс-ку о том, что добралась.

Раздосадованная таким отношением Зося собралась было записать для приятеля возмущенное голосовое, но в комнату заглянула бабка Филонида и позвала завтракать.

- Как тебе спалось, дэвонька? Спина не беспокоит? – бабка налила Зосе молока, нарезала коричневый пропеченный до хруста кругляш хлеба. – Вот, угощайся. Хлеб свежий. И молоко с утренней дойки.

- У вас есть корова? – Зося и сама не знала, почему заговорила об этом. Вчера в бабкином дворе она заметила лишь небольшой сарайчик, рядом с которым толклось несколько кур. Корова точно не поместилась бы в таком.

- Да... у соседки, у соседки корова, - Филонида Паисьевна испытывающе зыркнула на Зосю. - С чего вдруг ты про корову вспомнила?

- Да просто... Вы сказали, что молоко с утренней дойки, я и спросила.

- С утренней, свеженькое. Ты пей, давай. И хлебушка покушай.

- Спасибо. – Зося отщипнула от загорелой корочки. – Вы сами испекли?

- Этот-то? Тоже соседка принесла. Мы здесь одной общиной живём, друг дружке помогаем.

- Круто-о-о... – протянула Зося, торопясь сглотнуть слипшийся комочек. – А я думала, что в деревне кроме вас никого нет.

- Чего это – никого? Полно народу. – бабка плеснула в блюдечко молока и стала крошить хлебный ломоть. – Ты пей, пей молочко...

- Это для цвыркуна? – Зося кивнула на блюдечко.

- Для него.

- Цвыркун - это же сверчок? Разве сверчки молоко любят?

- Любят – не любят, а выбирать не приходится. Такое у меня в доме правило. Что даю - то и принимает. От молока цвыркун громко свирчит. Слышала, небось, ночью его рулады?

- Кажется... – Зося неопределенно пожала плечами. – Я хорошо спала.

- Так уж хорошо? – приподняла брови бабка. – И на крылечко не выходила? Я на ночь дверь на крючок закрывала, а утром встала, а она только на защёлку заперта.

- Ну, я... я выглянула на минуточку... – Зося слегка растерялась. Она не ожидала, что бабка так легко обнаружит следы её ночного бдения, и чтобы отвлечь внимание, схватила блюдечко с набухшим месивом из хлеба и молока да подскочила к печке. – Куда его поставить?

- Да я и сама бы справилась... Но, раз взялась – задвинь поглубже под печь. туда, туда, до самой стеночки... А я пока мазь достану, смажем тебе спину. Так что же – совсем-совсем никого не видала?

- Темно было... И страшно... – пропыхтела Зося, подталкивая блюдечко в темную щель. – Я ненадолго вышла и сразу обратно. Место глухое, вокруг лес с дикими зверями! Как вы не боитесь здесь жить?

- Если бы только со зверями... - ухмыльнулась бабка. – Но я уж привыкла. Вся жизнь здесь прошла. Ты иди-ка обратно к столу. Завтрак твой так и нетронутый. Чтобы всё съела! До последней крошечки!

Молоко неприятно горчило и было слишком жирным. Хлеб, несмотря на свежесть и хруст, отдавал цвелью, имел слегка зеленоватый липкий мякиш.

И Зосе пришлось соврать, что она не голодна.

- Как так – не голодна? Ты что же – воздухом питаешься? Нам еще в лес идти, так что ешь!

- После вчерашнего нет аппетита, - Зося упрямо поджала губы. – И в лес я тоже не пойду. Мне нужно в поселок. Я в хостеле комнату сняла. Меня, наверное, уже ищут.

- Глупости! Никто тебя не ищет... – отмахнулась от её слов Филонила Паисьевна. – Ты у Вальки что ль комнату сняла? Почему не сказал мне вчера? Я бы *забыщё* по ветру послала.

- Зачем? – поразилась Зося.

- Да чтобы не волновались зря. Ты у меня в гостях, в безопасности...

- В какой же безопасности, если у меня сразу дедку отобрали? И в бане чуть кожу не содрали!

- В бане та сама зевнула. И не возражай! А дзядку твоего вернём! В лесу и вернём. Я научу тебя, как поступить и что сделать!

- Спасибо. Но сначала я всё-таки в посёлок схожу. Хочу принять душ, переодеться.

- Ну, как знаешь. Иди, конечно. Я тебя силком здесь не удерживаю. Молока только выпей и иди. Без него, боюсь, *лихоспадная* тебя одолеет.

- *Лихоспадная*? – слово было незнакомо для Зоси.

- *Лихоспадная*. Вроде трясучки. Мало ли кто навстречу попадётся? Мало ли что подшепнёт? А молочко моё оградит от недоброго навета. Послужит оберегом тебе.

Прихватив кружку, бабка сунула её Зосе под нос, да так неловко, что пролила половину на футболку. И заохала, увидев расползающееся по груди желтоватое жирное пятно.

- Вот я нязграбна (неуклюжа, бел.)! Уж прости, дэвонька, старую. Снимай скорее её, я застираю.

- Не надо... Обойдусь... – промямлила Зося, с тоской констатировав, что футболке конец.

- Снимай, говорю! У меня порошок особенный. Замочу в нём – одежа как новая станет. А тебе пока кофточку дам. В ней и сбегаешь в поселок. Скажешь, что в порядке всё с тобой. И вещи заодно заберешь, от комнаты откажешься. Зачем платить, если у меня бесплатно пожить можно.

Зося послушно стянула футболку и поморщилась, когда о себе напомнила пострадавшая спина.

- Сейчас намажу ссадины. Потерпи. – Филонида Паисьевна черпнула лопаточкой из широкой банки что-то пахучее и густое. – Она уже получше выглядит. А после мази быстро заживет. Мазь у меня особенная, впитывается без остатка. Даже повязка не понадобится.

Успокаивающе бормоча, бабка похлопывала по спине рукой, но Зося больше не чувствовала боли. Только прохладу и лёгкое жжение. А потом прошло и оно.

Похвалив Зосю за терпение, Филонида принесла старомодную кофточку из ситца. И хотя та оказалась на размер больше, чем требовалось, Зося не стала возражать, поблагодарила и за такую.

- Ты дорогу знаешь? Хотя, что это я? – бабка хлопнула себя по лбу и рассмеялась. – Ко мне же пришла, значит знаешь. В поселке долго не задерживайся. Нам еще дзядку твоего возвращать.

- Спасибо, - поблагодарила Зося. – Я быстро вернусь.

Она пообещала это просто так – толком и сама не знала, что станет делать дальше. Сначала собиралась дозвониться до Петьки - обсудить с ним ситуацию, посоветоваться и только потом принимать какое-то решение. В то, что у неё действительно отобрали что-то ценное, дзядку - как называла это бабка, сейчас верилось всё меньше. Зося чувствовала себя вполне бодро, хотя так и не выпила молока и не съела предложенный хлеб.

- Иди, дэвонька. Под ноги гляди, с дороги не сворачивай... Авось и доберешься куда надо! – Филонида Паисьевна проводила Зосю до калитки. – А я ждать стану. Свидимся еще.

Зося помахала бабке и оглядела дремлющие под солнцем домики Патрикевичей. Каринка была – хоть выписывай на холсте, такие они были симпатичные, ухоженные, обжитые. Яркими звездочками пестрели повсюду цветы, зеленела сочная трава, раскинулись широкие кроны деревьев. И над этим великолепием разливалась яркая синева неба с неподвижно зависшими шапками белых облаков. Идиллическую картинку нарушали лишь неестественная тишина да полное отсутствие какой-бы то ни было живности - в этот раз даже куры не вертелись под ногами.

До посёлка добираться было минут тридцать, и когда миновал час, Зося порядком встревожилась.

Она шла по дороге никуда не сворачивая, и вдруг снова оказалась у деревни! Филонида Паисьевна возилась во дворе, среди цветов мелькала белая косынка, и Зося поспешно отступила за дерево, не желая, чтобы её увидели.

Как получилось, что она вернулась в Патрикевичи, если шла всё время прямо?! Не виновата ли в этом бабка Филонида? Или её кофточка??

Зосе вспомнилась странная интонация, с которой бабка желала ей доброго пути. Неужели и впрямь она пытается помешать ей вернуться в поселок? Только вот – почему?

Ну уж нет, так просто её не остановить!

Поразмыслив, Зося стащила кофту и вывернула её на изнанку. Она знала, что таким способом в народе пытались спастись от морока, наведенного лешим. Вдруг, он сработает и сейчас?

На плохо обработанном шве взблеснула небольшая булавка с замурзанным обрывком тесьмы. На тесьму были наверчены черные нитки и то ли клок шерсти, то ли спутанные волосы.

Ничего себе подарочек!

Интересно – для чего он здесь прицеплен?

Зося знала, что обычно булавки защищают от сглаза.

А такая конструкция вполне могла служить и оберегом...

Вот только уж очень неприглядным выглядел такой оберег!

Передёрнувшись от омерзения и стараясь не коснуться пучка из ниток и волос, Зося отстегнула булавку.

Оставлять её на земле не решилась и, чуть подумав, подсунула под отстающую кору на стволе старого дерева.

Вот так-то будет лучше!

Однако, она и попала на крючок!

Вчера был жуткий случай в бане! Сегодня – это подклад!

Не зря незнакомая бабка, встреченная ночью, просила её ничего не говорить Филониде! Ох и не зря!

Зося нащупала в кармане джинсов перо и, погладив мягкие волоски, скрестила пальцы на удачу.

Ей бы только благополучно добраться до посёлка. Только бы дойти, не заплутав и никого не встретив.

А потом она сразу уедет домой.

Не станет возвращаться в Патрикевичи.

Пусть Петька сам разгребает свои проблемы и сам нянчится с близняшками.

А с неё хватит!

Глава 8

Уловка с вывернутой наизнанку кофтой помогла, и уставшая Зося наконец добрела до посёлка.

При её появлении Нина – хозяйка маленькой семейной гостиницы – всплеснула руками и тихо ахнула – настолько измотанной выглядела девушка.

- Что же это... Что с вами случилось? Андрей вроде хороший парень, спокойный, вежливый. Не жаловался никто...

- Какой Андрей? – равнодушно пробормотала Зося.

Разговаривать ей хотелось меньше всего. Не терпелось стащить бабкину кофту и смыть под душем воспоминания о прошлом дне.

- Так Андрей! Вы разве не у него... ночевали?

- В Патрикевичах ночевала. Извините, что не предупредила.

- Где? – Нина вытаращила глаза. – Где вы ночевали??

- У Филониды Паисьевны. Я к ней приехала. Нужно было поговорить. Оставаться на ночь не планировала, но так получилось.

- Это её? – Нина бесцеремонно дёрнула за рукав кофтёнки. – Снимайте, снимайте скорее. Прямо здесь снимайте!

Она попыталась стащить с опешившей девушки кофту и закричала громко:

- Олежа, Олежа! Срочно протапливай баньку!

- Не надо баньку! – взвизгнула Зося. – Я жар не выношу!

- Тебе обязательно нужно попариться! У меня и травки специальные есть...

- Нет! – Зося слышать не хотела ни про баню, ни про травки. – Я душ приму. И посплю. Дайте, пожалуйста, ключ.

- Ты чего расшумелась, сумятня (суматоха, бел)? – из коридорчика вошёл седой усатый Олежа. Взглянув на Зосю, приподнял удивленно брови и, нерешительно кивнув, представился. – Олег Иванович.

- Зося. Извините, что доставила вам неудобство.

- Какое-там неудобство. – отмахнулся Олег Иванович. – Всё понимаю, дело то молодое. И Андрюха парень хороший. Надёжный.

- Она не у Андрея ночевала! В Патрикевичах! – выпалила Нина. – У *дурноватой*!

- У бабки Филы? Ночевала? - Олег Иванович застыл с приоткрытым ртом.

И жена снова заторопила его, требуя, чтобы занялся банькой.

- Не надо никакой баньки! Я душем обойдусь. Спасибо вам за заботу, извините еще раз... – зажав в руке ключ и кивая как болванчик, Зося попятилась к лестнице.

- Но как же? Банька... – снова попыталась возразить Нина, но муж перебил, взглянул предостерегающе: - «Что ты престала к девушке? Не хочет, значит не нужно ей. Сказано – обойдётся душем. Вот и не лезь.»

В номере Зося первым делом освободилась от бабкиной кофты и перед тем, как поставить сотовый на зарядку, набрала Петьку. Результат был всё тот же – механический голос затянул равнодушно, что абонент недоступен.

Тогда Зося позвонила матери. Бодро отрапортовав, что у неё всё хорошо и конференция продлится еще пару дней, она попросила узнать про Петьку. Далёкая от околонаучных кругов мать ничуть не усомнилась в правдивости её слов, несмотря на то, что уже начался июнь.

- Вернусь со смены – узнаю. – пообещала она. - Только зачем он тебе сдался, доча?

- Хочу кое о чём спросить, - снова соврала Зося и отключилась.

Намокая под душем, девушка размышляла о непонятном Петькином молчании. Не мог же он проболтаться о своей просьбе Владиславе? Или всё же – Полине? Бабка Филонида недвусмысленно на это намекнула.

Не мог же он поступить настолько глупо?..

От бабки мысли перетекли к странной реакции Нины. Какого еще Андрея она имела в виду? И почему так настаивала на баньке?

Вспомнив бородавчатое страшилище с распяленной пастью, Зося задрожала. Вода сразу же показалась прохладной, ссадины, оставленные веником, защипали.

Надо бы сходить в аптеку, купить какой-нибудь мази - решила Зося. И обязательно увидеться с Корнеем Захаровичем! Пусть объяснит, почему отправил их тогда к бабке.

- Зоя? – негромко позвала Нина из-за двери. – Я травок запарила, кастрюля на столе. Обмоешься после душа.

Вот приставучая тётка! Но даже хорошо, что она сейчас пришла. Может, у неё найдётся что-нибудь обеззараживающее.

Невинный вопрос встревожил Нину, и она зашла в ванную комнату.

Не обращая внимания на протесты Зоси, отдёрнула занавеску и распричиталась при виде красных полос на девушкиной спине.

- Из Патрикевичей принесла. – Нина не спрашивала – утверждала. – Знала бы, что ты туда намылилась – не пустила бы. Отговорила.

Пока Зося приводила себя в порядок, Нина принесла в баночке жёлтую жирную мазь. Пахло от неё специфически, чем-то резким, похожим на дёготь.

– Я немного положу, она сразу впитается. Пощиплет, конечно. Но то не страшно. Бабка Фила небось в баню водила? Теперь понимаю, отчего ты так дёргалась.

- Водила, - морщась от боли, выдавила Зося. Отрицать очевидное было бесполезно, а рассказывать про жабу – неловко и стыдно. Еще подумают, что она тоже с приветом. Дурноватая, как Нина назвала бабку.

- Что ты оставила в Патрикевичах? - Нина закончила экзекуцию и накинула на Зосю свободный длинный халат. – Сейчас впитается полностью, тогда можешь переодеться. Но обрабатывать придётся еще несколько дней.

- Может что-то другое купить? Я провоняюсь до костей вашей мазью.

- Потерпишь. Это еще от бабы Прони осталось. Спасибо, она запасы делала. И Андрею спасибо, что делится с нами. Ты правда его не знаешь?

- Правда. Первый раз от вас услышала.

- Хороший парень. Ветреный немного. Но у вас, у молодых, это вроде норма. Раньше здесь бабка его жила, Прасковья Прохоровна. А теперь он из города наезжает. И всегда с компанией. Друзей привозит, подруг. Последний раз много народу было. Две пары даже у нас комнаты снимали. Вот я подумала, что ты тоже к нему приехала...

- Общительный парень, - с заминкой пробормотала Зося, чтобы поддержать разговор. Ей был неинтересен ни незнакомый Андрей, ни его приятели-подруги.

Нина как будто поняла это и быстро сменила тему, пригласив Зосю выпить чая со смаженкой.

- Я только-только испекла. Олежа так их любит. Ты не завтракала, небось? Надеюсь, на диетах не сидишь?

- Не сижу, - Зося с благодарностью приняла приглашение и не пожалела об этом.

Смаженками оказались небольшие круглые лепёшки с мясной начинкой, по виду чем-то напоминающие пиццу. Присыпанные сыром и залитые сметаной, они были такими вкусными, что Зося ела и ела, не в силах остановиться.

- Вот это по нашему! – нахваливал её Олег Иванович. – Молодец, дзеўка. Не то, что племяшки мои. Взяли моду на диеты, клюют еду что кураняты (цыплята, бел.): то нельзя, это портит фигуру. А фигуры то и нету, один скелет да кожица поверх.

Ни он, ни Нина не заговаривали о её походе в деревню, и Зося была благодарна за это. Нина всё подкладывала лепешки, угощала свежей земляникой, подливала чая, настоянного на смородиновых листьях.

Любуясь огромным букетом белоснежных ромашек и попивая чай, Зося временно позабыла о своих неурядицах.

Заговорила про них Нина - попросив девушку задержаться после завтрака, поинтересовалась о её планах.

- Ты не думай, я не любопытная. Не суюсь в чужие дела. Но и в стороне остаться не могу, вижу же, что ты как беспомощное дзіцё (дитя, бел.), не знаешь многого про бабку.

- Про Филониду Паисьевну? Почти ничего не знаю. – согласилась Зося. – Только то, что она знахарка, разбирается в травах, лечит людей...

Она осеклась под ироничным взглядом Нины и замолчала.

- Бабка Фила-то? Лечила, это да. Только уже пять лет как не практикует.

- А ещё знаю, что её сестра ведьма! – решилась на откровенность Зося.

- Сама она ведзьма! И нет у неё никакой сестры.

- Но ведь была, Нинуль. – в летнюю кухоньку заглянул обеспокоенный Олег Иванович. - Раз взялась говорить, так ничего не скрывай. И не кричи. Вас за версту слыхать.

- Авигея. – подтвердила Зося. – Она стала кем-то вроде оборотня. Сорокой с лисьим хвостом.

- Это тебе Фила сказала? – супруги удивленно переглянулись. – Про сороку с лисьим хвостом?

- Я её сама видела! В Патрикевичах. И в лесу тоже. Филонида Паисьевна сначала её прогоняла, а потом призналась, что это её сестра.

- Видела? Курнелю? - Нина выронила полотенце. – Значит, баба Проня не бредила?!

- Вы о чём? – растерялась Зося.

- Да так, не обращай внимания. – Олег Иванович вошел в кухоньку и притворил за собой дверь. – У Филониды была сестра-двойняшка. Но она не жила почти. Как только родилась, так *ночница* её и задавила.

- Задавила? – Зося подумала, что ослышалась. – *Ночница* питается страхом, пугает детей по ночам...

- Ага! Существование *ночницы* ты не отрицаешь! То добра! Только ты и половины из того не знаешь, что на самом деле может делать эта т.в.а.р.ь.

- И не только эта... – Нина приобняла Зосю, снова усадила на лавку, начала говорить. – Что точно произошло с сестрой Филы мы не знаем. Про *ночницу* когда-то Корней рассказал. Двойняшка бабкина совсем крохой была, даже имя ей не дали. Это Фила её после Авигеей нарекла...

- Но зачем?

- Спроси что полегче. Назвала и назвала. Сама-то она нормальная была, и да – в травах хорошо разбиралась. А пять лет назад случилось что-то. То лето и вспоминать не хочется. Тогда и Прасковьи Прохоровны не стало, и Корней утонул, и Филонида умом поехала.

- Корней Иванович, директор школы? – ахнула Зося.

- Ты его знала? Неплохой был мужик. Скрытный только. Своеобразный.

- Ну, то понятно, - прогудел Олег Иванович. – Породу не сотрёшь. Как там говорят-то – про осинку и апельсинки?

- Корней был единственным сыном Филониды. – Нина вздохнула. – После того, как пропал, с ней и поплохело.

- Вы же сказали, что он утонул!

- Так нам было объявлено. Но наши сплетницы твердили. что пропал. Что сманили его в лес за какой-то грех. А что за грех – поди пойми. Он нормальный мужик был. Только одинокий. Детей любил. Учительствовал. Студенты даже к нему приезжали. На практику. В то лето как раз была группа. Он их успел проводить, а потом всё и началось...

Группа студентов! Это же их группа! Нина говорит про то лето, когда они были здесь на полевой практике!

Зося замерла, не зная – признаться или промолчать. Значит в то лето пострадала ни только одна Полина? Но и сама Филонида Паисьевна! И Корнеич, оказавшийся её сыном!

- Заболтали мы тебя. - Нина встряхнулась, отгоняя воспоминания - А время идёт. Кофту бабкину сжечь надо. К Андрею зайти за оберегом... Ты так и не сказала – оставляла что-то в деревне?

- Футболку с пятном от киселя... Филонида Паисьевна настояла, обещала отстирать.

- То плохо. Значит, пойдёшь за футболкой.

- Ни за что!

- Пойдёшь. Выбора нету. Тебя *призовёт*. Похоже, нам не только оберег понадобится. Что-то посильнее. Отдыхать будешь потом. Переодевайся и пойдём до Андрея.

Глава 9

Тащиться к незнакомому Андрею Зосе хотелось меньше всего. После бессонной ночи и стресса она нуждалась в отдыхе. Однако возражать Нине девушка посчитала неправильным, ведь та искренне желала помочь.

Андрей жил через несколько улиц, и чтобы срезать путь, Нина повела Зосю через запущенный сквер. Сопровождаемые трескотнёй сорок, они миновали превратившуюся в тропинку аллею и, продравшись сквозь кусты пыльной сирени, оказались в тупичке перед нужным домом.

Зося сразу приметила деревянную фигурку сороки, красующуюся на коньке крыши. И особенный обережный орнамент, вырезанный на неокрашенных ставнях. Неизвестный мастер изобразил там *ужей-господариков*. В белорусском фольклоре наряду с домовыми они считались духами-покровителями хозяйства. Убийство ужей сулило несчастья и убытки, а доброе к ним отношение могло принести благоденствие и удачу семье.

- Самый красивый дом в поселке. Сейчас таких уже не строят. – вздохнула Нина. – Жаль только, сильно одряхлел после ухода Прасковьи.

Зося видела дом впервые, за время практики Корней Иванович ни разу не привёл их сюда. И с бабкой Прасковьей не познакомил, а ведь должен был, если она слыла известной ведуньей.

Андрей не произвёл на Зосю впечатления. Одетый во всё черное, худой, жилистый и смуглый, он чем-то смахивал на цыгана и был немногим повыше её. Широкие брови срослись на переносице, придавая парню угрюмый и недовольный вид. Зося некстати подумала, что по такой особенной примете раньше определяли колдунов.

Это был совсем не её типаж. Зосе всегда нравились добродушные и высокие увальни вроде Петьки. Однако, когда Андрей заговорил, она невольно прониклась его обаянием - настолько искренней и тёплой оказалась улыбка парня.

- Помоги девушке, Андрюша. – Нина чуть подтолкнула Зосю вперёд. – А я пойду. Дела ждать не любят. Ты не стесняйся, девонька. Расскажи всё как было... Дорогу-то обратно найдешь?

- Найду... – Зосе не хотелось оставаться наедине с незнакомцем, вместе с Ниной ей было бы спокойнее и проще. Но делать нечего – пришлось смириться и с этим.

- Я провожу, если понадобится, - Андрей помахал Нине и жестом пригласил Зосю в дом. Чувствуя её замешательство, спросил немного церемонно. - Хотите чая, Зося? Или, может быть, угостить вас квасом?

- Спасибо. Я сыта... – промямлила Зося и присела на краешек крепкого деревянного табурета.

- Сытааа... – презрительно прошипело в ушах. – Чего притащилась к нам, цяцеха (тетёха)?

- Меня Нина привела... – Зося оглянулась на голос, но рядом никого не увидела. Однако в ушах всё так же продолжило брюзжать и фыркать.

- Брысь под печку! – нахмурился Андрей. – И чтобы не подслушивала!

- Когда это я подслушивала? Не было такого! Не было! – взвизгнул голосочек, уже не таясь, и *некто* невидимый сердито протопотал по полу.

- Не обращай внимания на *тэрэньку*. Не в настроении с утра, вот и ворчит. – Андрей разлил по стаканам золотистый играющий пузырьками квас, пододвинул Зосе тарелку с кусочками чипсов. – Из домашних лепешек насушил. Попробуй, это вкусно.

- *Тэрэнька* - ваша помощница? – Зося осторожно пригубила терпкий холодный напиток.

- От неё помощи долго ждать придётся, - усмехнулся Андрей и предложил Зосе перейти на «ты».

- А вот брэшешь, брэшешь! – негодующе зашлось от печки, и стоящий сбоку чайник опасно накренился.

- Хорош чудить, Валюха! – Андрей подмигнул Зосе. - Иначе в кувшин упрячу! Ты меня знаешь.

- Чуть что – сразу кувшином грозит! П*о*рочкина порода! Бабкина! – фыркнула невидимая Валюха, но чайник вернула в прежнее положение. – Пойду что ли из куд*е*льки клубочек совью. Скучно что-то с вами...

- Давай, займись делом. – одобрил Андрей и, сразу посерьезнев, наконец поинтересовался у Зоси чем он может помочь?

Зося даже не сразу сообразила, о чем он спрашивает – настолько её увлекли пререкания с *тэрэнькой* Валюхой.

- Валентина раньше у Нины работала, на ресепшене сидела, убирать помогала, - заметив её интерес, пояснил Андрей. – Хорошая тётка была, незлобивая. Да любопытство подвело.

- Её заколдовали? *Тэрэнька* это... кикимора?

- Обратили. Вроде кикиморы. Беспокойный дух дома.

- А кто обратил? - Зося собралась упомянуть бабку Филониду, но от печи грянуло: - Не кажи! Не кажи! Не её умишки делишки!

Непонятно откуда взявшаяся колючая щепка с размаху врезалась девушке в лоб, и тогда Андрей по-настоящему рассердился.

Резко хлопнув в ладони, он прошептал что-то и дунул в сторону печи. Голосочек охнул, забранился было, но оборвался на высокой ноте...

- Уморила! Посиди да подумай до вечера. И чтобы под ноги мне не совалась! А ты рассказывай – зачем пришла? - грубовато потребовал Андрей от Зоси и демонстративно взглянул на пощелкивающие на стене ходики.

Превращение из внимательного приветливого хозяина в занятого раздраженного незнакомца произошло стремительно, и, невольно подпавшая под обаяние парня, Зося встрепенулась.

- Я была в Патрикевичах! – она заговорила сбивчиво, торопясь. – Ночевала у Филониды Паисьевны. Её сестра у меня дедку забрала! Потом... в бане жаба веником исхлестала!.. Я приехала, чтобы помочь другу, а влипла сама. Еще и футболку оставила у бабки...

Стараясь не смотреть на Андрея, рассказала и про то, что пять лет назад была здесь с группой на практике, сообщила о случившимся после того непонятном недомогании Полины, о Петькиных подозрениях в отношении близняшек...

Андрей слушал не перебивая, всё больше и больше мрачнея.

А потом неожиданно шагнул к девушке и, накрыв её макушку ладонями, велел замолчать.

Из-под его рук повеяло приятным теплом, а потом Зосю мягко пощекотало под волосами, принялось осторожно покалывать кожу, словно по ней заскребли лапками крохотные насекомые. Ощущение было не из приятных, и Зося дернулась, отстраняясь, но Андрей уже и сам убрал от неё руки.

- Расслабься. Твой дзядка на месте. Бабка Фила не успела ничего сделать. Пыталась, но пока не смогла.

- На месте? – Зося растерялась. Отчего ж тогда взялись те странные ощущения?

- Пока на месте, - выразительно проговорил Андрей. – Но всё может измениться.

- Зачем я Филониде? Что ей нужно от меня?

- Возможно - твоя энергия. Чтобы подпитаться ею. Или сила, если таковая имеется.

- Какая еще сила?

- Умение видеть запредельное. Умение противостоять ему.

- Ты шутишь?

- С чего вдруг? Фила вас всех сразу проверила и поняла, что у тебя есть особенность. Дар. Сама же сказала, что слышала колыбельную *маковки*.

- И что?

- И то. Промах в бане – еще одно доказательство. Ты не полезла в пасть жабы. Не поддалась внушению...

- Поэтому меня отстегали?

- В наказание. За то, что сорвала планы *лазница* по тебе веничком и прошлась. А может и сама Фила.

- Филонида меня спасла, вытащила из бани.

- Конечно спасла. Припугнула, а потом спасла. Ты ей еще нужна. Она ж тебя не подоила.

- Фу, какое ужасное слово!

- Какое есть. – пожал плечами Андрей. – Про лес говорила? Собиралась туда отвести?

- Ты угадал...

- Это несложно. Сложнее будет другое... – Андрей откинул длинные волосы со лба и посмотрел на сжавшуюся Зосю. - Футболку ты должна вернуть. По-другому – никак. До меня не доходит, вот честно – не доходит. Почему ты покорно поплелась в баню? Почему не сделала ноги оттуда? Видела же, что деревня необычная? Неужели тебя ничто там не удивило? Ничего не показалось странным?

- Нормальная деревня. Красивое место. Домики. Природа. Только людей нет...

- Верно, людей там нет. Закончились люди.

- Это как??

- Да так. Фила всех извела.

- Убила?? – Зося потрясенно ахнула.

- Обратила. Так будет точнее. *Цвыркуна* её слышала?

- Слышала. Молока ему давала.

- То дед. Надоел под старость, вот и превратила его в сверчка.

- Дед... В смысле – муж? Человек??

Андрей кивнул.

- Хороший был мужичок. Добродушный. Мирный. Всю жизнь профукал возле Филониды. Маялся, а уйти не мог.

- Почему?

- Она его приворотом держала. А потом, как чахнуть начал – в сверчка и превратила.

- А отчего чахнуть?

- От приворота. Он людей изнутри точит, не дает покоя, изводит... Фила и других - кого в насекомых, кого в птиц обратила. У нас Патрикевичи проклятым местом считаются.

- У неё возле дома бегали куры. Это – они?

- Скорее всего – да.

- Боже, боже! Я не хочу туда возвращаться!

- Придётся, Зося. За тебя этого никто не сможет сделать.

- Но как мне забрать футболку? Она же не отдаст! И не отпустит меня больше!

- Я расскажу. Но предупреждаю – это будет непросто.

Неожиданно громко грянула мелодия танго, и Андрей, выхватив сотовый, заулыбался, приветствуя какую-то «заю». Знаками попросив Зосю подождать, ушёл в другую комнату и притворил дверь.

Зося даже расстроилась немного из-за звонка неизвестной девицы. Андрей начал ей нравится... Только глупо было думать, что у него никого нет.

- Сидишь, малахольная? – жёсткий кулачок *тэрэньки* ткнулся Зосе в колени. – Ничего, скоро в деревню отправисси. А потом во лесочек, к *лясовому* под кусточек. Хи-хи-хи...

Закатившись дребезжащим смехом, Валюха больно дёрнула Зосю за выбившуюся из хвоста прядку.

- Волос долог, ум короток. То про тебя сказано! Хи-хи-хи!

- Вам же велели не лезть! – Зося попыталась пнуть ногой невидимку, но вызвала лишь новый приступ смеха.

Чайник протанцевал по комнате, над столом закружились кусочки чипсов, а в лицо Зосе брызнуло каплями кваса.

- Колтун на тебя наведу-у-у! Спутаю в клубок волоса-а-а! – надсадно провыло в ухо, и Зосю снова пребольно потянуло за хвост. – Зачем пришла к нам, цяцеха? Филонида к Андрюшке подослала? Всё чую! Меня не проведёшь!

- Никто меня не подсылал! Меня Нина привела! За помощью. Вы же всё слышали! – Зося тщетно пыталась выпутаться из цепких и крепких ручонок *тэрэньки*.

- Ой, не брэши! Приведи доказательства. - еще сильнее затрепали волосы ручонки.

- Да отпустите же меня! А то... *курнеле* пожалуюсь!

Про *курнелю* Зося ляпнула просто так, не задумываясь, но упоминание сороки с лисьим хвостом произвело на Валюху магическое действие.

- Курнелю... ты видела курнелю... – отпустив Зосины волосы, забормотала *тэрэнька*. – А я что же. Я – ничего. С меня взятки гладки. Охраняю парнишечку нашего. Ну, перестаралась маленечко. Бывает... Колтун тебе не успела свалять – то и хорошо. Не держи на меня обидки, дзейка.

Жёсткие ладошки прошлись по голове, затянули потуже хвост, огладили Нинину рубашку на спине.

- Прости, цяцеха... - тихонько шепнуло в ухо и затопотало в сторону печи.

Когда Андрей вернулся в комнату, Зося успела привести себя в порядок и спокойно сидела на табуретке, попивая квас. Она решила не жаловаться на проказы *тэрэньки*, извинилась за рассыпанные чипсы и попросила, наконец, объяснить, как без потерь она может забрать свою футболку у бабки Филы.

Глава 10

Пока Андрей рассказывал Зосе о том, *что* ей предстоит сделать, девушка становилась всё спокойнее и увереннее. И чем запутаннее и невероятнее вырисовывалась поставленная перед

ней задача – тем быстрее хотелось вернуться в Патрикевичи, чтобы её разрешить. Каких-то полчаса назад Зося даже подумать боялась о том, чтобы снова увидеться с бабкой Филонидой, теперь же сама стремилась к этой встрече.

- Видишь. Тебя *потянуло*. – Андрей безошибочно уловил её настрой. – От Филы непросто отвязаться.

- Почему я больше её не боюсь?

- Сработала побочка от привязки. Побочка затуманивает разум жертвы, и она возвращается к ловцу.

- Так даже лучше. Страх исчез. И в сопровождающих я больше не нуждаюсь.

- Будь осторожна. Страх хорош тем, что удерживает от необдуманных поступков, помогает собраться, выждать, не ломиться на пролом...

- Вот уж нет! У меня от страха только путаются мысли, и сразу накатывает паника.

- Будь осторожна! – повторил Андрей. – Ты всё запомнила?

- Всё.

- Последовательность действий нарушать нельзя.

- Я поняла. Всё твои ЦУ в голове. – Зося улыбнулась и встала. – Я к Нине. У меня сотовый на подзарядке. Заберу его - и сразу в деревню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.